

18+

ПЕРЕВОЗЧИК

между этажами

Харламов Геннадий

Геннадий Харламов

Перевозчик

«Издательские решения»

Харламов Г.

Перевозчик / Г. Харламов — «Издательские решения»,

Он — лифтёр. За десять лет через его кабину прошли сотни пассажиров. Богатые и бедные. Влюблённые и одинокие. Он знает их запахи, костюмы, тайны. И молчит. Железное правило: ни слова пассажирам. Потому что он — не просто лифтёр. И этот лифт едет не между этажами. Однажды в кабину заходит тот, кто заставит его нарушить все правила. И заплатить за это единственное, что у него осталось.

Содержание

Перевозчик	6
Между этажами	7
Глава 1. Вступление	8
Глава 2. Божий одуванчик	10
Глава 3. Странная пара	12
Глава 4. Болото	15
— Секунду, — сказал я.	19
Глава 5. Одиночество	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Перевозчик

Геннадий Харламов

© Геннадий Харламов, 2026

ISBN 978-5-0070-1860-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перевозчик

Между этажами

Глава 1. Вступление

Лифт медленно и почти бесшумно поднимался вверх.

Это была не старая скрипучая коробка с выжженными кнопками, которая неуверенно ползет по шахте, дребезжа и подёргиваясь, заставляя тебя думать только об одном: ну всё, сейчас встанем посередине, и вызывай МЧС или иди пешком через шахту. Нет. Мой лифт был монументальным. Стены и пол — благородного темно-бордового цвета, с золотистыми узорами, нанесёнными на холодную плитку. Кнопки — золотого цвета, ярко-белый потолок с круглым плафоном. Лампа внутри не слепила, а мягко освещала каждый уголок кабины. А ещё — тихая, едва уловимая уху классическая музыка. Медленная, спокойная. Она успокаивала и была единственным звуком при движении лифта.

Мы ехали наверх. Я стоял около кнопок, прислонившись к стене спиной — так удобнее наблюдать. Никто не любит, когда ему смотрят прямо в лицо. А так — вроде отдыхаю, а сам вижу всё: кто как дышит, куда смотрит, как пальцы сжимают поручень или ремень сумки.

Сегодняшний пассажир был полным мужчиной с серьёзным и немного озадаченным лицом. Он стоял в самой середине кабины — ни у стены, ни у поручня, — и смотрел на двери, практически не моргая. Всем своим видом он показывал важность и высокую занятость: мол, меня ждут, у меня дела поважнее, чем стоять в лифте с каким-то кнопкодавом. Всё, что оставалось мне — молча окидывать его взглядом.

Начал, как обычно, с обуви. Черные лакированные туфли с тонким носком — итальянский след, без вариантов. Брюки и пиджак сидели идеально. Слишком идеально, чтобы быть купленными в обычном магазине. Я таких за свою жизнь повидал десятки, если не сотни. Когда человек покупает костюм в ТЦ — он всегда чуть-чуть велик в плечах или маловат в поясе, рукава болтаются, штаны собираются на коленях гармошкой. А тут — как влитое. Такое шьют на заказ или тщательно подгоняют по фигуре портные с золотыми иголками.

В руке он держал тяжелый саквояж. Настоящий, кожаный, с латунными замками. Под своим весом он так и устремлялся к полу, но мужчина держал его с лёгкой небрежностью, будто привык к тяжести. Из-под рукава пиджака выглядывали часы. Я сразу узнал — Rolex Datejust 41. Нестареющая классика. Желтый циферблат, золотой ободок. Такие стоят под миллион, если не больше. Их могут позволить себе только те, кто действительно добился своего.

Но самым интересным было даже не это.

Запах. Он заполнил кабину в ту секунду, когда двери закрылись. Дорогой парфюм — не тот, что продают в переходе под видом французского, а настоящий. Я задержал дыхание, потому что сразу понял: сейчас надо разобрать эту композицию. Горелый лес — но не костёр, а скорее дымок от дорогой сигары. Легкий, терпкий. Потом — тонкая сладость, но не приторная, а какая-то горьковато-медовая. И орегано. Точно, орегано, я его за версту чую. Кажется, именно так пахнет «Amouage Interlude Man».

При всём этом внешнем богатстве мужчина выглядел спокойным. Слишком спокойным. Знаешь, есть такая спокойность, которая бывает только у людей, которые ничего не боятся. Он стоял ровно, дышал ровно, даже не взглянул в зеркала. Просто смотрел на двери. И ждал.

Лифт остановился. Двери медленно открылись. Он постоял ещё мгновение — будто что-то вспоминал, — после чего кивнул мне украдкой и вышел. Кивок такой, едва заметный: «Спасибо, брат, ты своё сделал».

Двери закрылись. Я поехал вниз.

Ты наверное хочешь спросить: откуда я, простой лифтер, знаю марки дорогих часов? Как я могу уловить и идентифицировать аромат духов, который некоторые парни с Рублёвки не отличат от «Красной Москвы»? Это очень хороший вопрос. И честный.

Дело в том, что я не простой лифтер.

У меня был бизнес. И был он, чёрт возьми, вполне успешный. Возможно, в твоих глазах я сейчас выгляжу как таксист, у которого «свой бизнес», а такси — для души. Знаешь таких? Но это не мой случай. Бизнеса больше нет. Он был успешен в течение четверти века. А сейчас мне пятьдесят, и я лифтер.

Здесь надо чуть-чуть по порядку. Для ясности.

Я родился и всю свою жизнь прожил в небольшом городке центральной России. Население — триста тысяч, плюс-минус. Дороги разрушены так, что врачи скорой ставят рекорды по замене амортизаторов. Лёгкая разлука — уже не та, что в девяностых, но до уюта как до луны. Ржавые отечественные автомобили на улицах изредка разбавляются взятыми в кредит на всю оставшуюся жизнь бюджетными китайцами.

Даже несмотря на такую удручающую характеристику, я любил свой город. И продолжаю любить даже сейчас, находясь от него достаточно далеко. Может, потому что там всё честно. Никто не притворяется. И все всё знают друг о друге.

Моя жизнь в этом городке была крайне типичной. Как у всех. Пятиэтажка с драными подъездами. Школа в соседнем дворе — три минуты бегом, если звонок уже прозвенел. Вечером — футбол с пацанами на пустыре за гаражами. Рядом — те самые гаражи, за которыми мы курили «Донской табак» и давились им до слез, потому что нормальных сигарет в палатке не продавали без паспорта или по блату. Через дорогу — клуб. В нём крутили фильмы, а по выходным были дискотеки. О, с этими дискотеками столько всего связано. Первый поцелуй. И первый выбитый зуб — за этот самый поцелуй, когда Колька из параллельного решил, что ему тоже надо.

После школы — армия. Два года. Потом — техникум. Родители до последнего были уверены, что я отучусь и последую их примеру. Мать работала на «Тяжмаше» тридцать лет, отец — тридцать пять. Они жили заводом, дышали заводом, дружили с заводом. И меня туда же хотели: к станку, к проходной с вечным запахом мазута. Но что-то пошло не так.

Я забрал документы из техникума в тот момент, когда до окончания учёбы оставалось чуть меньше года.

Жалею ли я сейчас об этом? Да. Но не потому что не доучился. А потому что своим поступком расстроил родителей. Отец тогда неделю со мной не разговаривал. Мать молча плакала на кухне, когда думала, что я не вижу. Вот это я помню. Даже если мне та корочка была не нужна, даже если я всё равно никогда бы не пошёл работать по специальности — я бы её получил. Просто чтобы они видели, что я не зря. Вернись я назад — отучился бы и принёс этот диплом матери, пусть даже он потом пылился бы в шкафу.

Отчислился я не из-за подросткового бунта. Мне тогда уже двадцать два стукнуло, какой бунт? Не в церковь меня понесло и не в политику. А из-за...

Извиняюсь. Новый пассажир. Сейчас, одну кнопку нажму — и закончим чуть позже.

Глава 2. Божий одуванчик

Двери лифта открылись, и в кабину вошла бабушка. Старенькая, лет девяносто, не меньше. Увидев убранство моего рабочего места, она широко раскрыла глаза, удивлённо оглядываясь по сторонам. Как только наши взгляды пересеклись, она улыбнулась мне — и я улыбнулся в ответ, сам не заметив как. От неё веяло теплом и уютом. Знаешь, бывает такое: человек ещё ничего не сказал, а тебе уже спокойно. Я нажал кнопку, двери закрылись, и мы начали подниматься.

За годы работы я привык к тому, что публика тут весьма разношёрстная. Человек, который с виду выглядит обеспеченным, на деле может оказаться в подделках с ног до головы — часы за пятьсот рублей, ремень из кожзама, запах дешёвого табака. Изюм всех сил пытается создать впечатление, играет на публику. А бывает наоборот: заходит тихий мужик в потёртой куртке, а от него такой шлейф стоит, что я понимаю — этот точно не с улицы пришел.

Думать тяжело. Мне казалось, что от бабушки пахнет домашними пирожками. Не духами, не пудрой, не нафталином — а именно пирожками. Этот запах мгновенно вернул меня в детство. В деревню, куда родители увозили меня на лето.

Это были золотые времена. Честное слово, даже сейчас, через столько лет, я вспоминаю их с какой-то щемящей грустью. Дедушка, который катал меня в коляске своего мотоцикла — казалось, что мы летим быстрее звука. Мы играли с ним в домино и шахматы. И дед никогда не поддавался. Ни разу. Выигрывал меня раз за разом, иногда по-крупному, иногда с трудом, но всегда — честно. Когда я расстраивался, он успокаивал меня и говорил:

— Это подготовка к взрослой жизни. Жизнь никогда не будет играть с тобой в поддавки. Получил по щеке — подставь другую, соберись и надавай в ответ.

Я запомнил эту фразу на всю жизнь.

А ещё мы ходили на подвесной деревянный мост — рыбачить. По пути заезжали в магазин, где дед брал себе пиво, а мне — «Золотой ключик», «Тархун» или «Буратино». Помню эти бутылки с жёлтой, зелёной, коричневой жидкостью. Мы чекались бутылками, садились на мостки и погружались в тишину. Смотрели на поплавки. Тогда, будучи маленьким, я искренне верил, что у рыб есть уши. И если они услышат наши разговоры, то побрезгуют подплывать. Только когда я стал старше, я понял, что дед просто хотел побыть в тишине. Взрослому мужику, который весь год горбатился на заводе, нужно иногда просто посидеть молча с удочкой. И чтобы никто не лез.

После рыбалки мы шли домой. И там начиналось самое интересное.

Бабушка — царство ей небесное, я её до сих пор помню — уже всё знала. Она ходила в магазин за мукой утром и уже тогда узнавала, что дед взял пиво. В долг. С записью в журнал. Без денег. Она встречала нас с полотенцем в руках и — раз! — давала деду по заливку. Я заступался за него, кричал: «Не бей дедушку!», на что бабушка начинала ворчать ещё громче. Дед только отмахивался и хитро подмигивал мне. Они ворчали друг на друга всю жизнь. И прожили вместе почти пятьдесят лет.

На столе уже стояло парное молоко — соседка приносила утром. И пирожки. Ароматные, румяные, накрытые влажным полотенцем, чтобы не остыли. Какой аромат стоял в доме... он буквально сводил меня с ума. Я бежал к столу сломя голову, но бабушка ловила меня в последний момент и отправляла на улицу — к рукомойнику. Сначала руки, потом пирожки. Железное правило.

Пирожки были с капустой и картошкой. Иногда — с луком и яйцом, но это уже по праздникам. Всё своё, домашнее, с огорода. Капуста своя, картошка своя. Даже дрожжи — и те бабушка ставила сама.

Именно такой аромат исходил от моей пассажирки.

Я невольно прикрыл глаза, когда понял это. Стою в лифте, везу незнакомую бабушку на какой-то этаж, а сам в тот момент — снова там, на веранде, под полотенцем, с пирожком в руке.

Всю поездку она не переставала разглядывать узоры на стенах. Водила пальцем по золотистым линиям, теребила платочек на голове — делала это немного нервно, суетливо. У меня сложилось впечатление, что она или чувствует себя не в своей тарелке, или очень сильно ждёт чего-то. Может, боится опоздать. Может, никогда раньше в таких лифтах не ездила.

Отвлёкшись от аромата пирожков, я оглядел бабушку повнимательнее. Одета она была просто, но со вкусом. Словно собрала лучшее из своего гардероба. Серые туфельки с золотистой бляшкой на небольшом каблучке — старые, но начищенные до блеска. Серое пальто, явно не новое, но аккуратное, чистое, отглаженное. Видно было, что его носили редко, только по особым случаям. На голове — платочек. Ровно такой же, как у большинства бабушек в моём городе. С мелкими цветочками, завязанный узлом под подбородком. В руках — элегантная чёрная сумочка. Она прижимала её к груди, как самую большую ценность.

Мне почему-то стало грустно. Не то чтобы тяжело — с ней было легко, очень легко, — а именно грустно. Как будто я понимал, куда она едет, даже не зная этажа.

Лифт приехал. Двери открылись. Бабушка посмотрела на номер этажа, потом на меня, потом снова на двери. Кивнула — спасибо, мол — и вышла. Быстро так, спешно, будто боялась, что лифт уедет без неё и она не успеет.

А я поехал вниз.

Продолжу пока о себе.

В двадцать два года я забрал документы из техникума. Но здесь была причина. Не «что-то пошло не так», не «не сложилось», не «педагоги не поняли моей тонкой душевной организации». Всё гораздо проще и циничнее.

Деньги.

Да-да. Именно деньги. Если вам кто-нибудь скажет, что счастье не в них, то этот человек или безбожно врёт вам и самому себе, или у него этих самых денег никогда не было. Само счастье за деньги не купишь — тут я согласен. Но ты купишь множество других вещей, которые и сделают тебя счастливым. Свободу. Время. Возможность не смотреть на ценник в магазине. Возможность помочь матери, не считая каждую копейку. Вот это всё — за деньги. А кто говорит обратное, пусть попробует прожить месяц без них. Посмотрим, как запоёт.

На предпоследнем курсе техникума, в общей компании, я познакомился с Пашкой. Пашка — парнишка чуть старше меня, не местный, с соседнего района. Мы быстро нашли общий язык. Точки соприкосновения, как сейчас говорят. Именно он стал моим другом и компаньоном. На всю оставшуюся жизнь, кстати. Но об этом потом.

Как я уже говорил, наш городок небольшой. Триста тысяч. Он не избалован торговыми центрами, изобилием товаров, рынками. Понятия «маркетплейс» тогда ещё не существовало — сейчас ребёнок заказывает кроссовки на «Озоне» не вставая с дивана, а тогда... Тогда интернет и компьютеры только начинали появляться, становясь чем-то повседневным, но ещё не до конца привычным. Мы с Пашкой в этом что-то почувствовали. Повезло? Может быть. А может, просто оказались в нужное время в нужном месте.

Начинали с малого: небольшие перепродажи. Купили подешевле — продали подороже. Сначала на барахолке, потом сняли маленькую точку. Потом точка переросла в маленький магазин. Потом...

Извините. Новый пассажир.

Глава 3. Странная пара

Дверь лифта открылась, и внутрь вошли мужчина и женщина. Лет тридцати, оба. Первое, что мне бросилось в глаза — их красота. Знаешь, бывает такая красота, которую не обсуждают, а просто констатируют как факт. Вот этот факт. Они словно модели, сошедшие с обложки модного журнала. Или с рекламного плаката дорогого парфюма. Я таких вживую до этой работы и не видел, честно говоря. Только по телевизору или в соцсетях, где они пьют кофе на собственном острове и делают вид, что жизнь — это сплошное удовольствие.

Я нажал кнопку. Лифт начал подниматься под их перешёптывания.

На меня они не обратили никакого внимания. Ноль. Вообще. Я для них был частью интерьера, как поручень или плафон на потолке. Знаешь, есть такие пассажиры — они заходят, смотрят сквозь тебя, даже не кивнут. Я привык. Но здесь было другое. Их разговор был тихим шёпотом, словно они укрывались от чужих — в данном случае моих — ушей. Шушукались, как заговорщики. Плечо к плечу, головы наклонены друг к другу. Но в замкнутом пространстве лифта, даже с тихой классической музыкой, от меня ничего не скроешь. Ни слова. Ни интонации. Ни вдоха.

— Это того стоило? — прошептала женщина.

Я напрягся. Мне показалось, что в её вопросе, в интонации, в эмоциях читалась не то обида, не то разочарование. А может, и то и другое вместе. Словно она уже знала ответ, но хотела услышать его снова. Для себя. Чтобы убедиться, что не зря.

— Не начинай. Вышло, как вышло, — слегка недовольно одёрнул мужчина.

Голос у него был низкий, уверенный. Привык, наверное, чтобы его слушались. Но сейчас в этом голосе проскользнуло что-то похожее на усталость. Или на вину. Я ещё не понял тогда.

— Хреново вышло. Столько планов рухнуло, — женщина не сбавляла.

Она не кричала. Ни в коем случае. Она говорила тихо, но так, что каждое слово врезалось в перегородки кабины. Столько планов рухнуло. Интересно, каких? Бизнес? Переезд? Что-то, что они затеяли вдвоём, а теперь пошло прахом? Я прокручивал варианты, стоя с невозмутимым лицом.

Мужчина ничего не ответил. Он просто отвёл взгляд в сторону, на стену с золотистыми узорами. И начал вращать что-то на пальце. Машинально, как делают люди, когда хотят успокоиться или когда не знают, что сказать. Я присмотрелся — автомобильный ключ с брелоком, на котором красовался логотип «BMW». Белая, синяя, белая полоски. Такие ключи я тоже уже научился узнавать за десять лет. Не самый дорогой автомобиль, но и не для бедных.

Сама пара была одета крайне стильно. Я, конечно, не модельер, но за годы работы кое-что понимаю в людях. На женщине — прямые брюки со стрелками. Стрелки такие острые, что можно порезаться. Под ними — открытые туфли на каблук. Каблук тонкий, шпилька. Я как посмотрел на эти туфли, сразу подумал: бедные её ноги. Расстёгнутый пиджак, под ним — белая футболка. Никаких лишних деталей, никакой бижутерии. В руке — небольшой клатч, тоже чёрный, лаконичный. Всё вместе смотрелось дорого, но не кричаще.

Мужчина был в строгом костюме. Тёмно-синий, почти чёрный, в тонкую полоску. Пиджак сидел идеально — сразу видно, что сшит на заказ. Ни складочек, ни пузырей на спине. И белые кроссовки. Кроссовки! Дорогие, кожаные, но всё равно кроссовки. Беспроигрышное

сочетание сейчас, да. Все так ходят. Но я старомоден, наверное. Для меня костюм — это туфли. А кроссовки... ну ладно, я не судья.

Их парфюмы плотно сплелись воедино, лишая меня возможности разобрать по отдельности. Смесь пахла свежо и чуть сладко, но не приторно. Едва уловимо. Как лёгкий ветер с моря, в котором смешались цветы и соль. Это был крайне гармоничный аромат. Гармоничнее, чем они сами в начале поездки, если честно.

— Прости, — прошептал мужчина.

Одно слово. А в нём — всё. Он слегка приобнял спутницу за талию, нежно подтягивая к себе. Жест был осторожным, почти робким — как будто он боялся, что она оттолкнёт. Она сопротивлялась. Но так наигранно и мило, что я едва заметно улыбнулся в уголок губ. Женщина — она всегда знает, когда сопротивляться по-настоящему, а когда просто показать характер.

— Я тебя люблю, — едва уловимо сказал он.

И протянул к ней губы, сложенные трубочкой. Смешно, если честно. Взрослые красивые люди, а целуются как подростки на задней парте.

Женщина посмотрела на него. Тяжело выдохнула. На секунду мне показалось, что она сейчас скажет что-то вроде «пошёл ты» или «слишком поздно». Но она просто молча смотрела. А потом поцеловала в ответ. Коротко, но так, что у меня внутри что-то кольнуло. Зависть, наверное. Или грусть. Не поймёшь.

Лифт остановился. Пока открывались двери, мужчина перестал вращать ключ. Посмотрел на него — долго, внимательно, словно это была его вторая любовь после спутницы. И крепко сжав в ладони, сунул в карман пиджака.

Они вышли. Она — чуть впереди, он — за ней, положив руку ей на поясницу. Заботливо так. Будто ничего и не было.

А я остался в кабине с крайне противоречивыми чувствами.

Во мне взыграло любопытство, которого у меня быть не должно. Я не детектив, я кнопкодав. Но чёрт возьми, что же такого он сделал, за что просил прощения? Изменил? Тогда почему она так легко простила? За минуту, за два слова? Обидел? А чем? Или может быть, он не изменил, а вложил их общие деньги во что-то, что прогорело? Столько планов рухнуло — это звучало как про бизнес. Или про переезд. Или про что-то, что они строили вместе долгие годы.

А может, он обещал ей одну жизнь, а получилась другая.

В такие моменты я включаю детектива. Сам себе. В голове прокручиваю версии, пытаюсь за людей додумать их прошлое и настоящее. Глупое занятие, знаю. Но чем ещё заниматься в лифте между этажами?

Они зашли холодно — отчуждённые, чужие, будто случайные попутчики в метро. А вышли за руку. Она улыбалась уголками губ. Он чуть приобнимал. В такие моменты мне становилось радостнее. Даже если я не знаю, что там у них на самом деле. Даже если это всего лишь спектакль, а через час они снова начнут выяснять отношения на кухне.

Всё равно приятно видеть, как люди мирятся.

Вернусь пока к себе.

Мы с Пашей росли. Не в прямом смысле, конечно — оба уже были взрослые парни. Но дело наше росло. Когда начался всплеск интернета — медленный, неуклюжий, через свистящие модемы и писклявые подключения, — у Паши появился какой-то мистический знакомый в Китае. Мистический, потому что я его никогда не видел. Даже по видео. Только слышал: «Чанг

сказал», «Чанг предлагает», «Чанг может отправить дешевле». Имя, может, и не Чанг вовсе. Мне всё равно. Главное, что этот тип реально помогал с отправкой товара. Сильно дешевле конкурентов. Настолько дешевле, что мы сначала не поверили.

Мы стали чесать репы. Основных вопроса было два.

Первый: не кинет ли нас этот Чанг? Мало ли, пришлём деньги — и всё, до свидания. Будем стоять у закрытого склада с протянутой рукой. Второй: если не кинет, то что везти? Товаров было множество. На любой вкус, цвет и кошелёк. Глаза разбегались. Китайцы тогда ещё не заполнили рынок своим ширпотребом, как сейчас. Всё было в новинку.

Тогда Паша предложил простой, но гениальный ход. Мы выложили на сайт три десятка товаров по тем ценам, по которым могли бы продавать, если бы они у нас были. Ничего этого у нас в наличии не было. Вообще ничего. Пустой сайт с красивыми картинками. И всем пишущим и звонящим мы отвечали одно и то же:

— Раскупили очень быстро, ждём поступления. Оставьте номер, мы вам перезвоним.

Этот эксперимент дал нам две вещи. Во-первых — ажиотаж. Люди думали: «Ого, у них так быстро разбирают, значит, товар хороший и цена низкая». Мы стали нужными и важными в глазах звонящих. Во-вторых — и это было самое главное — статистика. Мы фиксировали номера объявлений, по которым раздавались звонки. Простая табличка в Excel. Кто звонил про стулья, кто про тумбы, кто про садовую мебель. Паша вечерами сидел, пытался над цифрами.

К концу нашего эксперимента вырисовался чёткий лидер. Товары для дома и дачи. Столы, стулья, садовая мебель, тумбы, полки, вешалки. Тот сегмент, который нужен всем. И который можно продавать круглый год.

Казалось бы, всё это можно купить в «Товарах для дома» через дорогу — в любом городе такая точка есть, где торгуют табуретками и швабрами. Но нет. Там продавались самые обычные, однотипные стулья. «Трансформеры» из дермантина. И табуретки, как у всех в советской квартире. А мы через Чанга могли предложить всё что угодно. Начиная от классики и минимализма — такие вещи, которые впишутся в любую современную квартиру, — заканчивая «цыганским барокко» с резными ножками и позолотой. Для тех, кто любит, чтобы всё было богато и видно издалека.

Мы с Пашей начали подбивать деньги на первый заказ. Свои, накопленные. И кредит взяли в банке — небольшой, но нервный. Мы чётко понимали: чем больше заказ, тем ниже цена за единицу. К тому же, мебель — не еда, срока годности не имеет. Постоит на складе месяц-другой, никуда не денется. Даже вылежится, как вино.

Я уже хотел рассказать, как мы оформили первый контейнер, как таможня чуть не вернула партию из-за каких-то нестыковок в документах, как мы с Пашей тогда...

Но мой рассказ прервала внезапная остановка лифта. Посередине.

Двери медленно открылись.

И внутрь вошла женщина.

Моего возраста.

Глава 4. Болото

Едва переступив порог лифта, она бросила на меня быстрый взгляд. Полный странного недовольства. Словно я лично ехал за ней целую вечность, а не она только что зашла. Словно я был должен ей деньги или перешёл дорогу в прошлой жизни. После этого взгляда она уперлась в дальний от меня угол, буквально вросла в него и замерла, как статуя.

Просто замерла, сложив руки на груди.

Я нажал кнопку, и мы продолжили спускаться.

Пассажирка была одета прилично. Я бы даже сказал — обычно. Как среднестатистическая женщина её лет. Ничего яркого, ничего броского. Темное пальто, простые ботинки, волосы собраны сзади в небрежный пучок. Таких я за день по десять штук вожу — не отличишь. Но что-то в ней было не так. Что-то неправильное. С самого начала.

Мы ехали молча. Единственное, что я почувствовал, это запах. Едва уловимый. Странный. От неё пахло... Как бы тебе объяснить? Болотом. Не просто сыростью или старой одеждой — а именно болотом. Тиной, стоячей водой, чем-то гнилым и тяжёлым. Такой запах бывает в подвалах старых домов, где годами скапливается вода, а стены покрыты чёрной плесенью. Или в лесу возле торфяников, где нога проваливается в мягкую, мокрую землю.

И находиться с ней мне было чертовски некомфортно. Словно сама атмосфера внутри кабины в один миг стала тягучей и тяжёлой. Как патока. Как будто воздух сгустился, и его нужно было проталкивать в лёгкие с усилием. Я даже дышать стал осторожнее — мелкими глотками, чтобы не набраться этого запаха полной грудью. Музыка, которая всегда меня успокаивала, сейчас казалась чужой и неуместной. Золотистые узоры на стенах потускнели в моих глазах.

В какой-то момент она, словно почувствовав, что я рассматриваю её — как иллюстрацию в книге или как экспонат в музее, — резко повернула голову. Тихо так скрипнула шеей. Я даже услышал этот звук.

— Че уставился?! — рывкнула пассажирка.

Её тон звучал грубо. А голос был подобен скрежету голого металла по стеклу. Я непроизвольно сморщился — чисто рефлекторно, даже не успел подумать, — но тут же взял себя в руки. Кивнул в ответ, сделал немного виноватое лицо, натренировал за десять лет, знаешь, такое универсальное «извините, я не специально», и поспешил отвести взгляд в сторону. К кнопкам. К потолку. Куда угодно, лишь бы не на неё.

У меня было крайне строгое правило. Вбитое в голову с первого дня, как я сел в эту кабину. Железобетонное: «Не говорить с пассажирами».

Как правило, необходимости, как и соблазна, нарушить это правило у меня не было. Поездки короткие. Ну, правда. Я понимаю, если бы я был таксистом и вёз человека из пункта «А» в пункт «Б» в течение часа, а то и больше. Тогда такая необходимость нет-нет, да и возникла бы. А тут... От силы минута — и двери закрываются. К тому же, люди как правило у меня сонные, уставшие, погружённые в свои мысли. Не до разговоров им. И мне, честно говоря, тоже. Я не психотерапевт.

Но эта пассажирка... Она смотрела на меня какое-то время даже после того, как я отвернулся. Словно убеждалась, что я больше не посмею на неё смотреть. Я чувствовал её взгляд боковым зрением. Физически чувствовал. У меня было ощущение, что мы едем целую вечность. Не минуту, не две — а добрых полчаса, наверное. Я даже покосился на табло этажей — цифры менялись медленно, как назло. Обычно они летят, а сейчас ползли как черепахи.

И в кабине становилось жарко.

Не просто душно. Не просто «надо бы форточку открыть». А по-настоящему, липко, невыносимо жарко. Как в бане, когда поддают пару. Вентиляция на потолке гудела на полную мощность, но воздух всё равно стоял плотный и горячий. Я почувствовал, как по спине скатилась первая капля пота. Потом вторая. Потом лоб начал покрываться испариной, и я украдкой вытер его рукавом — быстро, чтобы она не заметила.

Когда мы наконец приехали, я был на взводе. В кабине уже не просто пахло — по-настоящему воняло болотом. Тяжелой, стоялой водой, гниющими корнями и чем-то кислым. Я задержал дыхание, чтобы не закашляться.

Наконец-то.

Двери открылись. Я внутренне выдохнул — сейчас выйдет, сейчас всё закончится. Но пассажирка не торопилась. Она стояла в своём углу, уставившись в одну точку на полу. Пребывала в своих мыслях. Может, вспоминала, зачем сюда ехала. Может, решала, сказать мне что-то ещё или промолчать.

Одной рукой я зажал кнопку открытия дверей — чтобы они не закрылись раньше времени, не дай бог. А другой вежливо, как учили, показал женщине на выход. Жест такой: рука в сторону распахнутых дверей, лёгкий поклон головы. Сервис, блин.

Она посмотрела на мою руку. Потом мне в глаза. Потом снова на руку.

— Пошёл ты! — бросила она.

И, показав мне средний палец напоследок, шагнула в коридор. Не вышла, а вывалилась, как ком грязи из сапога.

Как только она растворилась за дверями, я тут же нажал кнопку закрытия. Створки сомкнулись быстрее обычного. Я — тоже быстрее обычного, наверное, впервые за десять лет — нажал кнопку верхнего этажа. Лифт дёрнулся и пополз наверх, в прохладу, в чистый воздух.

Я достал платочек из нагрудного кармана и принялся промокать лоб. Потом шею. Потом ещё раз лоб. Платочек стал влажным и каким-то липким. Я брезгливо сунул его обратно.

Бывают и такие. Крайне тяжёлые люди.

В такие моменты я рад как никогда, что я не таксист. А то ехал бы с ней, и ехал. Может, полчасика. Может, час. Представляешь? Сидишь с такой в замкнутом пространстве, дышишь болотом, выслушиваешь грубости. Нет уж. Спасибо. Моя кабина — моя крепость, и поездки короткие.

Интересно, она и с друзьями такая же? И с родственниками? Если да, то мне их искренне жалко. Представь семейный ужин: она сидит во главе стола, буравит всех взглядом, а под столом ногой качает. И каждый боится лишнее слово сказать. Жуть.

Так. Надо срочно отвлечься. Переключить вектор. А то эта бабка мне весь настрой сбילה.

Продолжу про нас с Пашей.

Свой первый контейнер мы всё-таки получили. Хоть и не без приключений. Помню это волшебное чувство — и наверное запомню его навсегда. Как мы приехали на железнодорожный вокзал. Холодное утро, рельсы блестят, вокруг носильщики с тележками, запах солярки и свежего дерева. Нам указали наш вагон. Огромный, железный, с китайской маркировкой на боку. Мы стояли и смотрели на него как дети на ёлку.

Осмотреть всё на месте было физически невозможно. Товара было столько, что глаза разбегались. Коробки, паллеты, мешки, стянутые скотчем. Китайские иероглифы, цифры, непонятные значки. Мы с Пашей переглянулись и одновременно сказали: «Ого». И заржали, как ненормальные. Потому что поняли — или мы гении, или идиоты. Третьего не дано.

К тому моменту мы уже сняли склад в пригороде. Старый ангар, раньше там овощи хранили. Пахло картошкой и сыростью, но крыша не текла, и замки работали. Чтобы увезти наше

добро, нам понадобилось пять «Газелей». Пять! С увеличенным бортом, потому что стулья — они объёмные.

Ближайшие несколько дней мы практически жили на складе. Я притащил раскладушку, Паша — чайник и пачку дешёвых пакетиков. Ели бутерброды, запивали чаем, спали урывками. Нам нужно было собрать по одной единице всего — для живых фотографий. Вытащить из коробок, распаковать, очистить от заводской смазки. Некоторые образцы пришлось мыть тряпкой с мылом, потому что они были в масле.

Паша нашёл старый рекламный баннер у соседей. Те отдавали даром, только заберите. Мы разложили его белой стороной вверх, зафиксировали на стене гвоздями — получилась импровизированная фотозона. Не студия, конечно, но лучше, чем грязный бетонный пол. И закатили фотосессию. Я снимал на свой старый «Самсунг», а Паша — на его мыльницу. По сто кадров на каждый стул. С разных ракурсов, при разном освещении, снизу, сверху, сбоку. Потом выбирали лучшие, приближали, обрезали.

Ещё несколько дней я выкладывал объявления. Тщательно описывал преимущества: «экологичные материалы», «современный дизайн», «устойчивость к влаге». Чередовал эти фразы с реальными характеристиками из документов — размеры, вес, нагрузка. Чтобы не обманывать, но и чтобы товар не выглядел скучным. А Паша в это время боролся с мистером Чангом. Точнее, пытался добиться компенсации за брак и недоотправленный товар. Коего оказалось около 5%.

Мы это предусмотрели. Закладывали 10% на брак, простой, потери. Поэтому даже в случае полного отказа оставались в плюсе. Но Паша — упёртый мужик, он решил выбить всё до копейки. Мистер Чанг и тут включился — прислал длинное письмо на ломаном английском, где извинялся, но деньги не вернул. Он предложил использовать их в зачёт следующей партии. Со скидкой 15% на доставку. Что нас, в общем-то, устраивало. Мы не жадные, нам бы стабильность.

Надо сказать, это только кажется легко и быстро — собрать, сфотографировать, пересчитать и выложить объявления. На деле у нас ушла на это почти неделя. И это при том, что мы трудились по десять часов без перерывов и выходных. Ночью я лежал на раскладушке и шепотом молился всем богам, чтобы завтра позвонил хоть кто-нибудь.

Когда всё было сделано, осталось самое трудное — ждать и волноваться.

Благо, ждать пришлось недолго.

В первый же день нам позвонили трое.

Первый — мужчина, который приехал в этот же день за плетёными креслами для дачи. Взял два. Расплатился наличкой, даже не торговался. Второй — девушка, купившая комплект стульев на кухню. Долго мялась, спрашивала про цвет, потом всё-таки решилась. Я сам отвёз ей стулья.

А третий звонок отпечатался в моей памяти дословно. До сих пор помню каждое слово.

Раннее утро. Солнце только вставало, сквозь щели в воротах ангара пробивались жёлтые полосы. Я только приехал на склад, даже чай ещё не вскипятил. Зато телефон зазвонил.

— Алло, — ответил я немного сонным голосом.

— Добрый день! По столам и стульям с кем могу поговорить? — послышался решительный мужской голос. Без лишних слов, без приветствий. Сразу по делу.

— Со мной. Что вам подсказать? — Сон в голосе сняло как рукой. Я даже выпрямился на раскладушке.

— Столы, артикул 1101—2, стулья, артикул 2302—3 — в наличии?

— Да, конечно, — уверенно кивнул я. Вручную задвигал полки с учётом, пытаюсь вспомнить, сколько их там. — Конечно.

— Мне нужно двадцать четыре стола и девяносто шесть стульев.

Я замер. Телефон чуть не выпал из руки.

— Эмм... Это шутка? — переспросил я, смутившись. Голос, кажется, сел.

— Нет. В наличии?

Он не шутил. Абсолютно деловой, холодный тон. Я даже представил его с портфелем и в дорогом пиджаке.

— Секунду, — сказал я.

И принялся лихорадочно искать в нашей учётной таблице. Листок ватмана, карандашом на стене приколот. Столы артикул 1101—2 — двадцать пять штук. Стулья артикул 2302—3 — ровно сто. Мы с Пашей намеренно взяли с запасом.

— Есть двадцать пять столов и сто стульев, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Если купите все, сделаю скидку пять процентов.

Сказал на шару. Сам до последнего сомневался. Но если он возьмёт всё...

Собеседник молчал несколько секунд. Потом спросил адрес и положил трубку.

Я стоял и смотрел на телефон. Потом позвонил Паше. Потом перезвонил ещё раз, потому что он не поверил. Потом мы оба решили, что это развод. Что никто не приедет. Потому что не бывает таких клиентов. Потому что мы везунчики, но не настолько.

Каково же было моё удивление, когда после обеда к складу подъехала грузовая машина. Не «газель», а настоящий длинномер. А в сопровождении — чёрный внедорожник марки «Jeep». Из внедорожника вышел помощник — стриженный под ноль, в кожанке, с тяжёлым взглядом. Подошёл, спросил про скидку, я кивнул. Он кивнул в ответ.

Оказалось, что местный коммерсант с довольно тёмным прошлым открыл в центре кафе. Двухэтажное, с летней верандой. И наша современная, стильная мебель подошла ему как нельзя кстати. По цвету, по дизайну, по прочности. Он даже говорить со мной не стал — прислал своих ребят. Те загрузили всё за час, отсчитали деньги — полную сумму, без торга, — и уехали.

Благодаря этой единственной продаже мы вышли в ноль по целому контейнеру. Первому. Понимаешь? Один оптовый покупатель — и наши вложения окупились полностью. А вся остальная мебель осталась у нас на складе. Чистая прибыль.

Мы с Пашей тогда вскрыли по бутылке дешёвого шампанского прямо в ангаре. Чокнулись, выпили. Он сказал: «Мы сможем». И я поверил.

А ещё помощник коммерсанта, забирая мебель, пригласил нас на открытие кафе в следующие выходные. «Подходите, я скажу на входе, кто вы», — бросил он, запрыгивая в «Jeep».

Такое предложение мы, конечно же, приняли. Таким людям не отказывают. Никогда не знаешь, когда могут понадобиться новые заказы. Да и вообще, связь с нужными людьми — это важно. Особенно в нашем деле.

Так. Извини. У меня пассажир.

Глава 5. Одиночество

Дверь лифта открылась, и в кабину, вприпрыжку, забежал мальчик. Лет десять, не больше. В ярко-жёлтой футболке с трансформерами и в шортах, из-под которых выглядывали стёртые до крови коленки. Знаешь, такие коленки бывают только у пацанов, которые летом забывают, что такое асфальт. Которые гоняют с утра до ночи, падают, встают, отряхиваются и снова бегут. Потому что во дворе — война, и нельзя подвести своих.

В глазах у него застыли слёзы. Крупные такие, прозрачные, на самом краю. Дрожали. Он, стараясь выглядеть намного мужественнее в моих глазах, смахнул их быстро-быстро — сначала одной рукой, потом другой. Грязными кулачками. Размазал по щекам. Стало только заметнее. Но он сделал вид, что всё в порядке. Мол, я мужчина, я справлюсь. В десять лет они все хотят быть взрослыми. А потом вырастают и мечтают вернуться назад.

Судя по тому, как он подёргивался — мелкая дрожь по плечам, по рукам, даже губы чуть тряслись, — ему было холодно. Или страшно. Или и то и другое вместе. Жёлтая футболка тонкая, насквозь мокрая где-то на спине. Шорты не по погоде. И обувь — сандалии на босу ногу. Сентябрь, наверное. Или уже октябрь. Я такие моменты всегда определял по тому, как люди одеваются. Если ребёнок мёрзнет — значит, мама не рассчитала, или он сам сбежал из дома. Или хуже.

Двери закрылись, и мы начали подниматься.

Я выключил вентиляцию. Нажал кнопку «стоп» на том рычажке, который отвечает за обдув. Чтобы не морозить ребёнка. Потому что вентиляция в моём лифте — мощная, шахтная, тянет холодный воздух. Мне-то ничего, я привык. А он — маленький, замёрзший.

К моему удивлению, запах болотного смрада, который остался после той женщины, развеялся мгновенно. Как только мальчик зашёл — будто ветром сдуло. Сменился на аромат сливочного масла. Тёплый, домашний. От детей всегда пахнет чем-то хорошим. Мороженым, печеньем, молоком. Даже если они грязные и потные — всё равно пахнет домом. Я не знаю, как это объяснить. Может, потому что они ещё не успели накопить в себе ту тяжесть, которую мы, взрослые, таскаем годами.

Мне было жалко ребёнка. Честно. До щемоты в груди. Я даже начал непроизвольно расстёгивать пиджак — чтобы накинуть ему на плечи. Рука уже потянулась к пуговицам. Пальцы расстегнули верхнюю. Вторую. А потом я осознал: я не могу коммуницировать с пассажирами. Тут же остановился. Замер. Взял себя в руки.

Конечно, вы можете назвать меня бессердечным. Скажете: «Что ж ты за человек такой, ребёнок мёрзнет, а ты в сторонке стоишь?» Но поймите меня правильно. Я очень держусь за свою работу. Очень. И у меня есть правила. Они не просто так появились. Каждое — выстраданное, вымученное, через силу. И если я сейчас нарушу одно — пусть даже из добрых побуждений, — то завтра нарушу другое, а послезавтра меня здесь не будет.

Как только маленький пассажир выйдет, я продолжу свой рассказ. И ты поймёшь, почему я такой осторожный. Почему я боюсь потерять эту кабину. Почему я до сих пор здесь, хотя мог бы... Впрочем, не будем забегать вперёд.

В лифте было тепло. Особенно с выключенной вентиляцией, которая обычно втягивала холодный воздух из шахты внутрь. Сейчас воздух стоял мягкий, неподвижный. Мальчик перестал трястись. Сначала плечи перестали дёргаться, потом руки успокоились. И как мне показалось, он даже немного успокоился. Дыхание выровнялось. Слёзы высохли сами собой, остались только грязные разводы на щеках.

Он принялся рассматривать узоры моего кабинета.

Они, как сокровище, манили его. Золотистые линии на бордовом фоне, завитки, вензеля. Для взрослого — просто дорогая отделка. Для ребёнка — магия. Он вытянул руку, подошёл

к стене. Медленно, аккуратно, почти благоговейно прикоснулся к ней. Провёл пальцами по узору — от одного края до другого. Потом обернулся и бросил на меня игривый взгляд. С хитринкой такой: «А можно? А ничего не будет?»

Я подмигнул. И едва заметно кивнул головой. Улыбнулся.

Он улыбнулся в ответ. По-настоящему, открыто, беззащитно. В этот момент он снова стал ребёнком — не напуганным зверьком, который пытается казаться храбрым, а обычным мальчишкой, которому любопытно.

Лифт остановился. Двери открылись.

— Бабушка! — радостно прокричал мальчик.

Увидел приятного вида старушку, которая ждала в коридоре у двери. Серое платье, белый платочек, руки сложены на животе. Она улыбалась — тепло, по-родному, как умеют только бабушки.

Мальчик побежал в её объятия. Сандалии зашлёпали по мягкому полу коридора. Успел — добежал, вцепился в её юбку, уткнулся лицом в живот. Она обняла его, погладила по голове, прижала к себе.

Я закрыл двери и поехал вниз.

Спустился на первый этаж. Тот самый, который был моей стартовой точкой. Пассажиров не было. В коридоре пусто, тишина, только лампы гудят едва слышно. Я выдвинул сидушку. Она была настолько идеально встроена в стену, что совершенно незаметна — маленькая, складная, в цвет отделки. Никто из пассажиров никогда её не замечал. И правильно. Не их это дело.

Я сел. Тяжело выдохнул. Погладил гудящие ноги — старые травмы дают о себе знать, если стоять по десять часов подряд. Прислонился спиной к стене, закрыл глаза на секунду.

Такие редкие моменты тишины давали мне возможность отдохнуть и подумать о своём. Мысленно возвращаясь в прошлое.

Пожалуй, продолжу о себе.

В указанный день мы с Пашей пришли на открытие кафе.

Людей было много. Очень много. Обычные горожане — с детьми, с пакетами, просто гуляющие. Элита — политики, бизнесмены, местные знаменитости. Машины у входа — одни дороже других. Женщины в вечерних платьях, мужчины в костюмах. Я в своём повседневном пиджаке чувствовал себя белой вороной. Паша тоже. Но мы решили: будь что будет.

Фэйс-контроль на входе. Хмурый парень в наушнике и с бейджиком. Узнав, кто мы, он кивнул и отправил нас на второй этаж. Не спросил, не уточнил — просто указал рукой на лестницу. Как мы поняли позже, тот этаж был не для каждого. Только для приглашённых. Только для своих.

Нас усадили за стол. Накрытый белой скатертью, с маленькой свечкой в центре. Подали закуски: нарезки, канапе, что-то горячее в маленьких тарелочках. И коньяк. Настоящий, в широких бокалах. Я тогда ещё не пил коньяк — не умел, не привык. Паша тоже мялся. Но мы сделали по глотку, чтобы не обидеть хозяев.

Очень скоро подоспел тот самый помощник бизнесмена. Который приезжал за мебелью. В чёрном костюме, белой рубашке, с галстуком — непривычно, на прошлой встрече был в кожанке. Он старался выглядеть любезно и вежливо. Но из-за своей натуры — суровый, не улыбкающий, с тяжёлым взглядом — это выглядело неестественно. Как будто медведь пытается танцевать вальс.

— Как вам у нас? — спросил он. Голос такой же — низкий, с хрипотцой.

— Всё хорошо! Спасибо! — кивнул Паша. Слишком быстро, слишком радостно. Я видел, как он нервничает.

— Игорь Андреевич хочет поговорить со старшим.

Помощник указал на столик в дальнем углу. Тот был огорожен невысокой изгородью с живыми растениями. Фикусы, какие-то папоротники — зелень, за которой почти ничего не видно. Как маленький кабинет прямо посреди зала.

Я перевёл взгляд на Пашу. Он — на меня. Не дожидаясь ответа, Паша указал на меня. Ткнул пальцем, мол, вот, он старший.

Я удивился. Честно. Потому что мы всегда были равными. Всегда на равных. Но виду не подал. Кивнул, поправил пиджак и встал. Уже тогда в голове у Паши был какой-то план. Какой — я узнал чуть позже.

Я пошёл к тому самому коммерсанту. Нерешительной походкой, как мне тогда казалось. Словно на эшафот. Но старался держать спину ровно, плечи расправить. Не показывать страх.

Его стол ломился от угощений и алкоголя. Бутылки с золотыми этикетками, тарелки с красной икрой, маленькие пирожные, фрукты. Но за весь наш разговор Игорь Андреевич лишь пару раз отпил вина из тонкого бокала и съел шпажку с маленьким кубиком сыра с голубой плесенью и виноградкой. Я запомнил эту деталь. Она показалась мне важной. Люди, которые могут себе позволить всё, обычно едят меньше всех.

Непродолжительный разговор оказался крайне продуктивным. Хоть и сомнительным, если честно.

Мы оказались новым, незасвеченным лицом. Это было главное. Игорь Андреевич планировал забрать крупный тендер на строительство большого санатория в пригороде. На две тысячи человек. Деньги там крутились огромные. И ему нужны были люди, которых никто не знает. Которые не засветились на других торгах. Которые не связаны с конкурентами.

Мне дали список. Мебель, шкафы, предметы интерьера. С ценами — конкретными, жёсткими. Цифры, за которые мы должны были продать его юридическому лицу. Даже поверхностно глядя, я понимал — это очень хорошо. Настолько хорошо, что я заподозрил неладное. Но промолчал.

Мы с Пашей отработали как надо. За месяц привезли всё по списку. Ещё за пару недель собрали, наняв десятков мастеров. Работали день и ночь. Не забыли мы и про скидку — сделали ту самую, небольшую, но приятную. За неё получили респект лично от Игоря Андреевича. Он пожал мне руку. Крепко, сухо. И сказал: «Молодец. Я запомню».

В тот день мы окончательно ушли из розницы. Совсем. Закрыли старую точку на рынке, перестали торговать поштучно. Увеличили ассортимент, переключились на опт. Слух о том, что мы работаем с Игорем Андреевичем, стал лучшей рекламой. Лучше любой газеты, любого баннера. Потому что в нашем городе все знали, кто такой Игорь Андреевич. И если он с кем-то работает — значит, с тем можно работать.

Заказы потекли рекой. Государственные — школы, больницы, администрации. Частные — кафе, отели, магазины.

Через два года мы отстроили свой собственный большой склад. Не арендовали, не снимали — именно отстроили. Железобетон, высокие потолки, ровные полы. В штате — три мастера по сборке, два кладовщика и два водителя. Паша начал летать в Китай. Лично. Проводил переговоры с будущими поставщиками, выбирал фабрики, торговался за цену. Я же ни на мгновение не отпускал узды правления на месте. Вникал в каждый вопрос — от закупки скотча до налоговой отчётности. И пытался реализовывать новые идеи.

Среди них — успешная сеть магазинов с детскими товарами.

Мы продавали всё. Памперсы — оптом и в розницу. Кроватки, коляски, автокресла. И, конечно же, игрушки. Игрушки, игрушки и ещё раз игрушки. Мягкие, пластиковые, деревян-

ные, на радиуправлении, с батарейками и без. Крупных федеральных сетей в нашем городе тогда не было. А цены у нас были на уровне маркетплейсов. С той лишь разницей, что у нас весь товар был в наличии. На полках. Не надо было ждать три дня, не надо было ехать куда-то. Можно было прийти, посмотреть, потрогать, покрутить в руках. И купить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.